

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В последний раз (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0015
III.....	.0024
IV.....	.0033
V.....	.0042
VI.....	.0051
VII.....	.0061
VIII.....	.0070
IX.....	.0079

Д.Н. Мамин-Сибиряк
В последний раз
Повесть

Маремьяна Власьевна убиралась на дворе и ворчала:

— Тоже, гость называется... И гость свое время должен знать. А мой-то Семеныч и рад лясы точить хоть до утра... тьфу!.. Вон и двор не прибран, и овса надо прикупить, и сена только-только осталось; а вдруг обоз придет?.. С гостями-то просидишься как раз...

Высокая, рослая и полная женщина, Маремьяна Власьевна не походила на загнанную бабу и напрасно жаловалась на мужа. Так просто хотелось поворчать бабьим делом.

Она несколько раз заглядывала в окошко чистой половины, где останавливались проезжающие почище, и видела, как за большим самоваром, какие подают только на постоянных дворах, сидит все та же компания: муж Гаврила Семеныч, сосед Огибенин и проезжий-гость, плотный, немолодой человек, одетый по-городски, в серое суконное пальто, подпоясанное гарусным шарфом.

— И о чем, подумаешь, разговаривают... тьфу! — ворчала

Маремьяна Власьевна, проходя сенями в мелочную лавочку, где торговала вдовая дочь Душа.

Ей казался подозрительным неизвестный гость. Ох, и нанесет худого человека, тоже не обрадуешься; а Семеныч прост!

— За водкой не посылали, Душа? — спросила она сердито.

— Гость посылал, а только тятенька не пьет. Огибенин так рюмку за рюмкой и хлещет.

— Ну, этому в самый раз!

Маремьяна Власьевна присела на скамеечку и с жалостью посмотрела на дочь. Какая-то она ледащая да нескладная вся и старше своих лет кажется. Уж, кажется, голодом никто не морит, и работа не тяжелая сидеть в лавке, а все чахнет. Вон купчихи или торговки на базаре — в коже места нет. Напустил кто-нибудь на Душу сухоту, не иначе дело. Мало ли худых людей на свете!

На «чистой половине», действительно, шел самый оживленный разговор. Старик Огибенин, с испытанным хищным лицом и жилистой шеей, горячился больше всех, разма-

хивал руками и выкрикивал хриплым голосом:

— Господи, да ежели бы сила-мочь, да всю бы округу перевернули вверх дном!

Хозяин Гаврила Семеныч держал себя солидно и говорил сдержанно, поглаживая окладистую темную бороду. Он сидел в одном жилете с ситцевой рубахой-косовороткой на выпуск, как носят городские мещане. Худощавый, высокий, с решительным взглядом небольших серых глаз, он производил впечатление именно солидного человека, видавшего виды. Даже и чай он пил как-то солидно, не торопясь, аккуратно откусывая сахар. Гость был купеческой складки, коротенький, с заплывшими глазками и гнилыми зубами... Время от времени Огибенин в подтверждение своих слов обращался к нему:

— Уж Гаврила Семеныч знает, он всю округу наскрозь знает...

— Чего же тут не знать? — скромно отзывался Гаврила Семеныч. — Всем известно, слава богу... Кто не знает, отчего разорились Курчаевы? И очень просто... У них золото шло гнездовое, а они разведку закатали по всей

россыпи шахматом. Ну, где шурфом-то угодишь прямо на гнездо?.. Бились-бились, денег издержали уйму, а под конец и обессилели. Тыщ пять проработали, а потом едва за пятьсот рублей продали прииск. Мелькову.

— А тот близко восьмидесяти тысяч нажил, — дополнил гость хозяйскую речь. — Действительно, дело известное... Может, и не хватало-то сотни, другой.

— Вот-вот! — выкрикивал Огибенин. — Тоже взять Теленковых... Верное дело было, на-такались [1] на постоянную жилу, а силенки-то и не хватило!

— Ну, у Теленковых особь статья вышла, — остановил его Гаврила Семеныч. — Несуразный человек сам-то Арефий... Ему все подавай дело с маху, а это не манер. Золото-то к рукам идет тоже, а не зря.

Оказалось, что гость хорошо знал и дело Теленковых... Справная была семья, а теперь вконец изнищала.

— Подвел их Лука Саввич Прохоров, — объяснил он, покачивая головой. — Все обещал помочь, а как дело коснулось, — он сейчас, например, в кусты. Теленковы-то и остались

на бобах.

Маремьяна Власьевна не утерпела и вошла в избу, чтобы послушать, о чем говорят. По выражению лица мужа она догадалась, что и он относится к гостю недоверчиво. Это ее успокоило. Старуха недолюбливала вообще этих проклятых разговоров о золоте.

— Все-то у вас золото на уме, — проговорила она, не обращаясь лично ни к кому. — Аники-воины!

— И будет золото, кума!.. — заплетавшимся языком ответил за всех Огибенин. — Ивана Панфилыча Оглоблина забыла? Вот так же сидел со мной на лавочке и даже очень горевал; последний у тещи вымолил четвертной билет; а теперь на тройке разъезжает, дом двухэтажный имеет... Вот оно какое, золото-то, бывает!

— Это ему, надо полагать, теща наворожила золото-то, — заметил с улыбкой гость. — Не иначе дело... От ихнего брата, баб, тоже много зависит, ежели другой человек ослабеет и начнет бабу слушать.

— А вот это уж ты напрасно говоришь! — сердито оборвала Маремьяна Власьевна шут-

ливого гостя. — У мужиков-то у всех одна вера: поколь у него деньги, так и шире его нет; и жена нипочем; а коль промотал деньги, — ну, сейчас оглобли-то и поворотил к жене.

Гаврила Семеныч не вступался в этот разговор, а только нахмурился. Не любил он пустых бабьих слов.

Маремьяна Власьевна отлично знала, что такое значит, когда муж молчит, и ушла.

Весенний день кончался. Гаврила Семеныч зажег жестяную лампочку и молча слушал пьяную болтовню захмелевшего Огибенина.

— Эх, и нет же лучше места, как наш Мясский завод! — повторял старик, точно кто-нибудь с ним спорил. — Вот какое местечко господь уродил: направо — золото, налево — золото, кругом золото... На, получай, ежели у тебя есть умственность! Конечно, Златоуст — город, например, и Челябин — тоже, а какая им цена? Так, одно звание... По всему Уралу такого удобного места не сыщешь, как наш Мясский завод! Так я говорю, Гаврила Семеныч?

— Говорить все можно, — уклончиво ответил Гаврила Семеныч, поглаживая бороду. —

Мало ли золота по Уралу, особенно на севере...

— Ах, то совсем даже наоборот, Гаврила Семеныч... — захлебываясь, спорил Огибенин. — Бывать не бывал, а только слухом земля полнится. И золото тоже золоту рознь... Возьми теперь в степе золото, ну, Кочкарь — опять свой манер, а супротив нас не выйдет!

— Получше нашего-то будет, — вставил свое слово гость. — И даже весьма получше... В Кочкаре жильное золото работают, ему и конца-краю не будет. Возьмите промысла Подванцева или Екатеринбургский прииск: на сто лет золота хватит. Да... А у вас кругом все россыпи. Сегодня есть, а завтра — тью-тью!

— К казенному золоту большие деньги нужны, — объяснял Гаврила Семеныч. — Чего одна шахта стоит? А тут паровую машину ставь, чтобы воду отливать, тут тебе бегуны и прочее. Больших это все тысяч стоит.

Разговор завязался серьезный, и были разобраны все золотые промыслы Южного Урала по ниточке, где, что и как.

Особенно хорошо были известны ошибки неудачников золотого дела.

— Да что тут говорить! — заявил Гаврила Семеныч, поднимаясь с лавки. — Я сам раз с пять зорился на этом самом золоте и могу вполне соответствовать.

Откуда-то явилась вторая бутылка водки, и Гаврила Семеныч «разрешил». После двух рюмок он сразу покраснелся.

— Что вы меня учите? — говорил он. — Ученого учить — только портить... Сами отлично все можем понимать и соответствовать. Тоже на золоте выросли сызмальства... Слава богу, всяких народов насмотрелись вполне достаточно и можем понимать, что и к чему. Всю округу вот как понимаем...

— Ах, господи! — подобострастно выкрикивал Огибенин. — Ежели, примерно, родительского дома не пожалели, Гаврила Семеныч...

— А что мне родительский дом? — азартно заговорил Гаврила Семеныч, ударив себя в грудь. — Своих трех домов не пожалел... да! Ежели считать, так и не сосчитаешь, сколько тут капиталу убито. Одним словом, зараза! Нет, брат, я это дело вот как знаю!..

Он даже стукнул кулаком по столу. Гость тоже покраснелся и смотрел на него прищур-

ренными, улыбавшимися глазами.

— Да, что же делать! Случается... — соглашался он, потирая жирной ладонью свою круглую коленку.

— Бывает?! — уже выкрикивал Гаврила Семеныч. — Конечно, дураков учат и плакать не велят... Верно!.. Ну, а теперь пусть кто-нибудь надует Гаврилу Семеныча Поршнева? Хе-хе!..

Гость остался ночевать.

— Кто он такой будет? — спрашивала Маремьяна Власьевна мужа. — Откуда взялся?

— А кто его знает, — уклончиво ответил Гаврила Семеныч. — Сказывал, что с Сойминских промыслов едет в Кочкарь.

— А зовут как?

— Зовут-то Егором Спиридонычем Катаевым. По торговой части занимается...

— Оно как будто и не похоже. Очень уж он допытывался о нашем мясском золоте...

— Кто его знает, что у него на уме? Сказывал, что едет куда-то на Балбук... Пали слухи, будто башкиры обыскали золото в верховьях реки Белой.

— Вот, вот!.. В самый раз ему прикачнулась печаль о чужом золоте!

— Не наше дело, — строго остановил жену Гаврила Семеныч. — Мало ли чужестранных народов у нас по золотым промыслам околачивается! Может, у него легкая рука на наше-то золото. Случается... Вон екатеринбург-

ские купцы как поднимают Кочкарь: деньги прямо лопатой гребут. Из Невьянска тоже и прочие...

Утром на другой день Гаврила Семеныч поднялся рано, как всегда, наскоро напился чаю и ушел с гостем на базар. Последнее опять беспокоило Маремьяну Власьевну.

А весеннее утро было отличное. Стояли последние числа апреля, и снег везде стоял. Начали распускаться вербы и березы. По низинам около воды высыпала первая зелень. Улицы в Миясском заводе в буквальном смысле тонули в грязи, и возы с кладью приходилось иногда добывать из нее бастрыгами и прочим дрекольем.

— Время-то какое... а? — повторял Катаев, любовно глядя на далекую линию гор. — Вода тронулась... Самое время теперь работать на промыслах. Огнем горит работа...

— Это уж что говорить, — соглашался Поршиез. — Вся сила в воде... Так, говоришь, обыскали башкиришки золото на Белой?

— Богатое золото, рассказывают... В самой верхотине реки, где она выпадает под Чи-Ташем.

— Случалось, бывал. Это за Теребинском будет... Ох, и народец только там живет, первые воры на всю округу!

— Ну, и по другим местам тоже рта не разевай, Гаврила Семеныч! Известно, промыслы...

— Да, случается... Я еще на Кумышаке бывал, Егор Спиридоныч.

— Ну-у?..

Катаев даже остановился. Даже в летописях Южного Урала, где добыто много золота, прииск Кумышак являлся чем-то сказочным.

— Да, был... В горе башкиришки обыскали вот какую жилу! Прямо наверх вышла. Ну, только башкиришкам от нее ничего не досталось, потому как дача-то приграничена к Балбуку, значит, Базилевскому. Работы поставили кое-как, — смешно было смотреть... Кварц-то был облеплен золотом, точно пчелами. Его толкли прямо в чугунных ступах, и не золото толкли из кварца, а кварц из золота.

— Пудов с десять золота добыли, сказывают?

— Около того... А как поставили настоящие работы, — шахту ударили, бегуны устро-

или и прочее, — жила сразу изубожилась.

— Расщепилась?

— Да... Много тут денег даром было потом-то заколочено, да толку не вышло.

— Это уж всегда так бывает, ежели в жиле видимое золото. Выбрали гнездо — и прощай! В настоящей крепкой жиле крупинки не увидишь золота...

На базаре Катаев обошел все лавки, где можно было купить разную приисковую снасть: ломы, лопаты, кайлы, веревки и т. д. Он приценился к товару, и видно было, что человек знает свое дело до точности. Поршневу указал ему, где можно заказать тачки, приисковые таратайки, вашгердты, насосы. В общем всего на прикидку выходило рублей на шестьсот с хвостиком, да еще надо было прикинуть провоз.

— Ну, провоз-то пустое, — заметил Катаев. — Все равно придется купить штук пять своих лошадей, три — четыре телеги, — сами свезем.

Прикинув все в уме, Поршневу сообразил, что дело по расчету подходит к тысяче рублей. «Ох, круглая денежка!..» Про себя он даже

пожалел Катаева. Как раз мужик в петлю головой залезет, а что будет — еще неизвестно. Но ему нравилась обстоятельность гостя и какое-то особенное, деловое спокойствие. Вот таким людям и золото в руки... В душе Гаврилы Семеныча заныло что-то забытое, старое, обидное. Он припомнил свои личные неудачи и последовательный ряд разорений. Конечно, глуп был, не понимал настоящего дела, да и добрые люди помогли.

Домой с базара они вернулись только к обеду. Гость остался еще на день, чтобы выехать завтра пораньше утром. За обедом опять шли разговоры о золоте и промысловом деле.

— Да будет вам! — ворчала Маремьяна Власьевна. — Слушать-то тошнехонько...

— А ты и не слушай! — резко оборвал ее Гаврила Семеныч, начинавший сердиться на жену. — Ведь никто не неволит. У нас свои разговоры, и не вашего бабьего ума это дело.

Маремьяна Власьевна обиделась и замолчала. Но Гаврила Семеныч разошелся и, стукнув кулаком по столу, проговорил:

— И те дураки, кто вашего брата, баб, слу-

шает!.. Да... А я вот возьму да вместе с Егором Спиридонычем и махну на Белую. Ей-богу, уеду!.. Что я тут сижу дома, как чирей?! С постоянным-то и без меня управишься; а я, даст бог...

— Гаврила Семеныч, голубчик, не снимай головы! — завопила Маремьяна Власьевна, бросаясь в ноги мужу. — Прости глупую бабу на скором бабьем слове!..

— Ладно, отвяжись!.. Довольно уж мне тебя слушать-то. Досыта наслушался... Добрые люди дело делают, а я сижу да свою бабу слушаю! А вот поеду — и конец тому делу!

Из кухни, где обедали, дверь со стеклянным окошечком вела в лавку, чтобы на всякий случай видно было, что там делается. Когда в этом окошечке показалось испуганное лицо Души, Гаврила Семеныч окончательно рассвирепел и, оттолкнув валявшуюся у его ног жену, набросился на дочь:

— А тебе что нужно?! А?! Да я вас всех вот как распатроню!..

Одним словом, Гаврила Семеныч так разошелся, что гостю пришлось его успокаивать:

— Перестань грешить, Гаврила Семеныч! И

разговор-то самый нестоящий... Ну, съездим, ну, посмотрим, а там, примерно, как есть ничего нет, — ну, с теми же глазами и домой возворотимся. Ты, Маремьяна Власьевна, даже совсем напрасно беспокоишься... Надо сказать так: сейчас все реки играют, а нам надо переезжать через реку Урал. Положим, она в верхотине даже очень невеличка, и курицы ее вброд перейдут; а по веснам она вот как играет, когда с гор полая, вешняя вода скатится. Не дай бог!.. А мостишко дрянной, — по нему, пожалуй, сейчас и не проедешь.

— Да я ничего, поезжайте с богом!.. — со слезами в голосе говорила Маремьяна Власьевна. — Я ведь не перечу.

Несмотря на эти умиряющие слова, Гаврила Семеныч все-таки не мог успокоиться и тяжело дышал. Он не верил притворному согласию жены.

Как на грех, в самый критический момент в дверях показалась голова старика Огибенина. В обыкновенное время Гаврила Семеныч не обращал на него внимания и даже относился к нему, как к пустому и нестоящему человеку, а тут так и набросился, точно родной

брат пришел.

— А старик... то есть в самый раз!.. Ах ты, мой милый!..

Обняв ничего не понимающего Огибенина, Гаврила Семеныч любовно проговорил:

— Вот человек... Господи, да ежели бы ему деньги!.. Так говорю, Савва Яковлич?

— Действительно, Гаврила Семеныч... весь изнищал... — бормотал Огибенин. — Можно сказать, превратился в образ червя, который одной землей питается...

— Вот, вот!.. Ничего, старик, в некоторое время ты нам пригодишься. Егор Спиридоныч, да это такой... такой человек, который, пряменько сказать, на два аршина под землей видит. Что поделаешь, беднота заела... Вот и пропадает, как червь... Мы и его с собой захватим, Егор Спиридоныч! У меня и тележка подходящая есть... Заложим парочку и махнем. Огибенин за кучера...

Огибенин охотно соглашался со всем и только опасливо поглядывал на Маремьяну Власьевну, которая сидела в стороне на лавке и не вступалась больше в разговор. Она рассчитывала умолить мужа ночью. Они по ста-

ринке спали на одной перине, и без свидетелей легче было говорить. Но Гаврила Семёныч увел гостя на чистую половину, велел поставить самовар, и Маремьяна Власьевна не могла его дождаться.

— Ох, беда бедовая!.. — плакала старушка. — Головушка с плеч...

Утром поднялись чем свет. Гаврила Семеныч торопился, точно на пожар. Маремьяна Власьевна не утерпела и накинулась на него:

— Бога ты не боишься, Гаврила Семеныч!.. Кто мне пред образом клялся, что в последний раз на золоте разорился? А ты опять за то же... Всё разоришь и всех по мирупустишь!

Поршнев собирался молча, не обращая внимания на жену, что ее окончательно вывело из себя. Когда он стал запрягать в телегу гнедого киргиза, она схватилась за узду.

— Не дам Гнедка!.. Мой Гнедко!.. Какая теперь дорога-то, разбойники вы такие?.. В один день по распутице изведете лошадь...

— А мы другую подпряжем, глупая! — спокойно ответил Поршнев. — Гнедко в корню, а в пристяжке пойдет Воронко... Огибенин, орудуй!

— Разбойники вы все, вот что! — кричала Маремьяна Власьевна на весь двор. — Погубители!..

Катаев попробовал было уговорить расхо-

дившуюся старуху, но только махнул рукой:

— Ты-то к чему прикачнулся, оборотень?! — вопила она на него. — Откуда тебя нелегкая принесла?.. Чтобы тебе ни дна, ни покрышки, окаянной душе!..

Досталось по пути и старику Огибенину, который спорить и возражать по бедности не мог, а только встряхивал головой. Он и не рад был, что попал в хорошую компанию, потому что постоянно случалось одолжаться у Маремьяны Власьевны, а теперь и на глаза к ней не показывайся! Баба характерная, живьем съест, ежели расстервенится.

Все вздохнули свободнее, когда выехали наконец из ворот поршневого дома. Маремьяна Власьевна бежала за телегой по улице и что-то кричала, грозила кулаком и вообще неистовствовала, как сумасшедшая. Гаврила Семеныч утрюмо молчал. Ему было немножко и совестно перед посторонними людьми и обидно за взбесившуюся жену. Что же, кажется, он хозяин в своем собственном доме, и никто ему не смеет указывать...

— Через недельку вернемся, — говорил Катаев. — Еще неизвестно, что там...

— Не таковское дело, чтобы его наверняка делать, — спокойно отвечал Поршневу. — Конечно, баба не понимает ничего... Ну, что я буду мерить овес да выдавать сено ямщикам, — и без меня обойдутся. Засиделся я дома-то, набаловал жену, — вот она и дичит, как оглашенная. Ничего, обойдется...

В сущности, действительно, Маремьяна Власьевна совершенно напрасно так беспокоилась. Между Катаевым и Поршневым даже не было никакого серьезного уговора по части золотого дела, и своим вмешательством она только подлила масла в огонь. Гаврила Семеныч просто хотел встряхнуться и подышать свежим промысловым воздухом. Сказалась вечная промысловая тоска о не дававшемся в руки счастье. А сейчас он сидел в тепле и думал запавшей в голову одной фразой: «А что, я не хозяин в своем доме? Слава богу, не дом меня нажил, а я его».

Весенняя дорога была тяжелая, и на третьей версте сильный коренник уже «задымился» от пота.

— Ничего, подберется, — говорил Огибенин, отвечая на тайную хозяйскую мысль

Гаврилы Семеныча. — Застоялись у тебя лошади...

Дорога шла на юго-запад, пересекая волнистую равнину, в глубине которой красиво громоздились горы. Картину портило полное отсутствие леса. А когда-то здесь был настоящий вековой башкирский «урман», то есть непроходимый лес. Но в «некоторое время» он был безжалостно истреблен на потребности открытых еще в «казенное время» золотых промыслов, знаменитых по своим богатствам даже в летописях Урала. Остатки вековых башкирских боров были окончательно истреблены самым безжалостным образом частными золотопромышленниками.

В первый день едва сделали верст шестьдесят и заночевали в открытом поле. Поршневу опять не хотел, чтобы знали о его поездке, и даже отворачивался, когда по дороге кто-нибудь встречался. Узнают и будут; болтать, что Поршневу опять поехал золото искать. Примета самая нехорошая. Когда уже были на стану и сидели около огонька, подъехал кто-то верхом. Начинало темнеться, и Поршневу не сразу узнал вершника.

— Мир на стану, Гаврила Семеныч!..

— Мир дорогой!..

— Куды наклался, на ночь глядя?

— А так... дельце наклевалось... Да это никак ты, Артамон Максимыч?

— Около того... Аль не узнал?

Это был знаменитый гуртовщик Гусев, поставлявший на промыслы киргизских баранов и быков. Он грузно спешился, со всеми поздоровался и особенно пристально посмотрел на Катаева.

— Из подрядчиков будете? — спросил он.

— Да, около этого...

— Коней у нас угнали, вот какой подряд выходит, — солгал Поршневу. — Едем в Теребинск выкупать.

— Дело известное... Теребинцы — первые конокрады, почище башкирцев будут.

Поршневу чувствовал, что Гусев не верит его выдумке, и был рад, когда он уехал.

— Отчаянная башка! — ворчал он, когда затих лошадиный топот. — Ведь все знают, что он с деньгами ездит... Ночное время, а в поле один Никола бог.

Огибенин задал лошадям сена и, свернув-

шись клубочком у огонька, сейчас же заснул. Катаев достал из внутреннего кармана завернутый в платок кусок змеевика со вкрапленным в него золотом, которое можно было рассмотреть простым глазом. Поршневу долго рассматривал этот мудреный камень «со знаками» и только покачивал головой.

— Не случилось такой оказии видеть, Егор Спиридоныч... Настоящее жильное золото обязательно в кварце.

— А кто ему указал непременно в кварце быть? Это змеевик-камень. Я показывал его знакомому штейгеру, — он одобрил и даже весьма. «Хоть бы, — говорит, — пес, да яйца нес». У меня заявка сделана уж года с два, да все как-то руки не доходили. А вот нынче собрался и своего паренька туда послал еще перед пасхой, чтобы орудовал.

— Вязковат камень-то, Егор Спиридоныч! Трудно его будет из породы добывать, да и золото из него тоже не скоро выковыряешь.

— Ничего, добудем! Жила идет вершков в десять ширины...

Определенных переговоров и условий раньше не было сделано, и будущие компа-

ньоны уговорились тут же, около огонька.

— Да и какой разговор, Гаврила Семеныч? Моя половина, твоя половина — вот и все слова. А там уж что господь пошлет...

Поршнев долго не мог заснуть. Его охватывала все сильнее и сильнее золотая лихорадка, и он для собственного оправдания перебирал в уме десятки имен тех счастливицев, которые разбогатели на золоте. Ничего не было, одолжали по десяти рублей, а сейчас и рукой не достанешь. В то же время ему представлялась плакавшая жена, и Гаврила Семеныч только подавленно вздыхал. Ну что же, действительно, тогда и клятву давал перед образом и всякие неподобные слова говорил, — было дело, только все это делал в отсутствии ума. И жену Маремьяну Власьевну пожалел Гаврила Семеныч. Что же, век вековали, баба настоящая, сурьезная, все равно, как медведица в доме. Все ухранит, сбережет, усмотрит, — ни синь-пороха не пропадет.

Бывают ночные мысли и бывают дневные. Утром Гаврила Семеныч проснулся бодрым и веселым. Его охватило то особенное настроение, которое дает только бойкая промысловая

жизнь. Да и кругом уже все было очень хорошо. Вчера ехали целый день по казенным золотым промыслам, где работы велись точно на парад. Зимой снимали верховики, а с весны начинали работать россыпи. Конечно, матушка-казна ухватила самые лучшие куски, но и партикулярные люди не дремали. Поршневым опытным промысловым взглядом взвешивал каждую работу и только любовался. Везде золото, и дорога шла по золоту. Сколько лет работают добрые люди, а золота не убавилось. Да еще мало ли золота лежит в земле «на счастливого»? Только надо уметь его взять...

За казенными промыслами начиналась площадь частных. Тут орудовали неизвестные питерские люди, которые сами никогда и в глаза не видали своих приисков, а за них орудовали поверенные, управляющие и разная приисковая челядь.

— По золоту едем, Егор Спиридоныч! — повторял Поршневым. — Инженеры-то в белых перчатках только жалованье умеют получать.

На пути попадались глухие башкирские

деревушки, ютившиеся по берегам горных озер и впадавших в них речонок. Все это была вымирающая, отчаянная голытьба, кое-как питавшаяся около золотых промыслов.

— Фунта земли не пашут, — негодовал Катаев, на глаз оценивая башкирскую бедноту. — Ни с чем несообразный народ... Сдадут свою землю в аренду за расколотый грош под промысла, да сами же и нанимаются в работники.

— У него душа короткая, у башкирца, — объяснял Поршневу. — Где же ему пашню поднимать? Он поработал день — два, много — неделю, и, например, сейчас расчет подавай!

IV

— Мне нужно заехать в Поляковку, — заявил утром Егор Спиридоныч, когда Огибенин распряг лошадей.

Это было в сторону от дороги в Теребинск. Получался крюк верст в десять. Да и разговора об этом раньше не было. Поршневу ничего не сказал, хотя ему именно в Поляковку и не хотелось ехать, потому что там у него было много знакомых.

— А мы вот как сделаем, — решил Катаев, — ты поедешь, Гаврила Семеныч, прямо в Теребинск, а пока вы там будете кормить лошадей, я вас догоню. Дельце есть маленькое в Поляковке, — нужно повидать одного человека... Вы меня довезете до Балбука, а там я пешочком доберусь.

Балбук являлся центром громадного района, где сильной рукой работала компания Базилевского. Промысла занимали арендованную у башкир землю в несколько сот тысяч десятин. Дело было старинное, испытанное и давало верный доход. Поршневу бывал на этих промыслах по разным делам сотни раз и знал

все, как у себя в кармане.

Высадив Катаева под Балбуком, Огибенин обернулся к Поршневу и сказал:

— Финтюрит он...

— Не наше дело, Савва...

Огибенин только тряхнул головой. Он почему-то вдруг невзлюбил Катаева и про себя назвал его «темной копеей».

До Теребинска было далеко. Дорога шла горами. Пришлось на половине покормить лошадей, умаявшихся по весенней распутице.

— Эх, пересобачим коней, — жалел Огибенин тяжело храпевших лошадей. — По этой-то дороге только пьяному черту на свадьбу ездить... Тоже понесла нелегкая!

В Теребинск приехали только под вечер. Это селение красиво залегло на самом горном перевале. Когда-то давно здесь был казенный медный рудник, и сейчас можно было еще видеть запущенную, обвалившуюся шахту. Теребинцы не пользовались особенно хорошей репутацией, а славились как завзятые конокрады, переправлявшие лошадей с одного склона Урала на другой. Поршневу не раз случалось бывать здесь по делам. Он остановил-

ся у одного знакомого, который сразу догадался, в чем дело.

— Катаевский змеевик приехал глодать, Гаврила Семеныч?.. Его надобно зубами грызть... Никакая снасть не берет.

— Так, вообще... Полюбопытствовать охота, — условно признавался Поршневу. — Где уж нам золото добывать... Просто-то ходим, ногой за ногу запинаемся...

Катаев приехал верхом, когда уже на столе весело кипел самовар. Он был весел и все время шутил.

— Люблю теребинцев, — говорил он, подмигивая. — У них какая вера: сам сыт — конь голоден, конь сыт — сам голоден... хе-хе!.. Почтище башкирцев выходит...

Поршневу не любил шутовства вообще и молчал.

Они переночевали в Теребинске, а ранним утром на другой день отправились на «змеевую жилу», как Поршневу называл про себя новый прииск.

Перед отъездом Огибенин устроил настоящий скандал. Когда Поршневу велел ему запрягать лошадей, он отказался наотрез.

— И запрягать не буду и коней не дам, — заявил он самым решительным образом. — Вот тебе и весь сказ...

— Да ты сбесился, старый черт?! — обругал его Поршневу.

— Сказано: не дам. Это ты сбесился, а не я...

— Да ведь кони-то мои?

— Кони твои, а отвечать-то за них Маремьяне Власьевне должен я...

Сначала Поршневу вспылил, а потом одумался. Пришлось взять теребинских лошадей.

— Вы поезжайте, а я по колее за вами и пешком дойду, — говорил Огибенин. — Не угоните от меня далеко...

Действительно, угнать было трудно, потому что приходилось ехать «в цело», то есть без всякой дороги.

— Ничего, пусть пройдетя, — шутил Катаев. — Для аппетита это весьма полезно...

От Теребинска ехали битых два часа. Здесь горы точно перепутались между собой, и приходилось делать объезды.

— Зимой-то совсем близко, — утешал Катаев. — А теперь вон как и настоящую-то дорогу

развело...

Новый прииск Катаев назвал «Змееви-ком». Он залег в горном ущелье, на берегу безымянной горной речонки. Издали можно было рассмотреть несколько новых построек — небольшая казарма для рабочих, контора, амбар для разной приисковой рухляди, конюшня с навесом и т. д. Золотоносная жила «выпала» прямо в скале, выступавшей к речке каменной грудью. Место было красивое вообще.

— Ну, вот мы и дома, — весело говорил Катаев, когда лошади остановились у самой конторы. — Эй, человеки, кто есть жив?

В окне конторы показалось очень мило-видное девичье личико, улыбнулось и скрылось.

— Вон какая у меня птаха приспособле-на, — шутил Катаев. — Татьяной звать...

— А для чего она на прииске живет? — спросил Поршневу, нахмурились.

— А шти кто нам будет варить? Я люблю, чтобы все было в аккурате...

— Молода, штобы в лесу-то одной жить...

— Не одна живет, а с добрыми людьми. На

что нам старух-то?..

Из-под навеса показался белобрысый парень, прихрамывавший на левую ногу. Он даже не поклонился хозяину, а только что-то буркнул себе под нос.

— Ну, Миша, принимай гостей!.. Как у вас дела?

— Два хомута третьева дни украли...

— А рабочие где?

— Ушли ночью. Они хомуты-то сблагостили...

Катаев начал ругаться, а Миша угрюмо смотрел куда-то в сторону, не выражая никакого желания оправдываться.

Контора была выстроена на живую нитку, как все приисковые постройки, и делилась на две половины; в большей была контора, а в меньшей — кухня. Пока Татьяна ставила самовар, Катаев повел показывать жилу. Она проходила неправильной полосой прямо в камне. Правильной работы еще не было, а только делались пробы в том месте, где прослойка змеевика вспучило и образовался довольно большой желвак.

— Это и есть твоя жила? — спросил Порш-

нев, тыкая палкой в змеевик.

— Она самая, Гаврила Семеныч... Змеевик — камень мягкий, хоть зубами его грызи!

— Да, тут, действительно, надо зубами выгрызать твое золото, — решил Огибенин томном специалиста. — Самый вредный камень... Кварц трещину дает, если его порохом или динамитом рвать, а тут будет только воронки вырывать. Я видел такую-то одну жилу...

Жила не понравилась и Поршневу, но он промолчал. В конторе их уже ждал кипевший самовар. Татьяна не показывалась, и Катаев насильно вывел ее за руку.

— Ну, иди, иди, пирожница!.. — уговаривал ее Катаев. — Покажись добрым людям.

— Отстань, смола! — довольно сурово ответила девушка, стараясь освободиться. — Ты вот постыдись лучше добрых-то людей...

Поришев заметил, что «пирожница» одета слишком форсисто для приисковой стряпки и отвечает хозяину неподобно. Одним словом, нехорошо.

После чаю, захватив разную снасть, отправились делать пробу. Нужно было произвести

взрыв. Огибенин и Миша принялись за работу, то есть при помощи железного лома и молота сделали глубокое отверстие в змеевике. Катаев сам заложил в него пороховой патрон, провел пороховую нитку и заклинил наглухо отверстие. Когда произведен был взрыв, слова Огибенина оправдались: вместо трещин и кусков жилы получилась одна воронка.

Работа шла до самого вечера, а толку никакого не получилось. Нароботался досыта и Гаврила Семеныч, благо в охотку было и поработать. Улучив минуту, он спросил Мишу, что это за птаха Татьяна,

— Танька-то? — равнодушно ответил Миша. — А так, просто дура...

На другой день работа началась с раннего утра. Бились изо всей мочи. «Знаки» золота были налицо, а жила не поддавалась, точно ее заворожила нечистая сила. У Поршнева все время не выходила из головы «птаха». Красивая девка, нечего сказать, а только неподобающее это дело, чтобы баловство разводить. Встретив ее на крыльце, Поршневу не утерпел и сказал:

— Нечего тебе делать здесь, милая... Шла

бы ты лучше подбру-поздорову домой...

— А ты зачем сюда приехал? — огрызнулась птаха, не моргнув глазом. — Ступай уж ты лучше домой-то: тебя жена вот как ждет...

— Зачем со стариком вяжешься?

— А тебе какое дело пригорело? Очень он мне нужен, старый пес... Да я на него и глядеть-то не хочу, на гнилое дерево.

— Ну и девка!.. Не сносить тебе своей головы, Танька!

— Такая уж уродилась...

После отъезда мужа Маремьяна Власьевна несколько дней ходила, как помешанная. Она потихоньку от дочери плакала и по десяти раз выскакивала за ворота, когда слышала, что кто-нибудь едет. Ей все казалось, что это Гаврила Семеныч, и даже узнавала побужку своих лошадей. Но Гаврила Семеныч и не думал возвращаться домой. Дочь Душа тоже не раз всплакнула глядя на убивавшуюся мать. Она улучила вечером минутку и сбегала к дяде по матери.

— Ох, не ладно у нас в дому! — жаловалась она. — Мамынька слезьми изошла...

Дядя, родной брат Маремьяны Власьевны, отнесся к этому случаю довольно равнодушно и ответил:

— Что же, не вы первые, не вы последние через это самое золото слезы льете... Гаврила Семеныч — человек сосредоточенный и лучше вас знает, что делает.

Дядя сам «ходил в штейгерах» на промыслах и сочувствовал зятю.

Маремьяна Власьевна вызнала на базаре

про Катаева все, что могли ей сообщить другие. И какой он товар накупил, и когда товар был отправлен, и откуда он взялся в Миясе, и где раньше жил. Относительно последнего показания расходились, но все в голос хвалили его, как человека обстоятельного.

На базаре уже знали, куда уехал Поршневу, и лавочники подшучивали над Маремьяной Власьевной:

— Ужо скоро купчихой первой гильдии будешь, когда твой Гаврила Семеныч накопает золота...

— Настоящая купчиха и то, — соглашалась с горькой улыбкой Маремьяна Власьевна. — В самый раз калачами у вас на базаре торговать...

Мужчины вообще были на стороне Гаврилы Семеныча, а знакомые торговли от души жалели Маремьяну Власьевну.

— Рука у него тяжелая на золото, у твоего мужа, — судачили бабы. — Уж сколько разов зорились-то на этом золоте...

— Ох, и не говорите, милые!.. Другим и счастье господь посылает, а нам один разор.

— Денег-то много он с собой взял?

— Ничего, ничего не знаю... Деньги все у него. Больших-то денег и нет, а так, про чер-ный день...

Маремьяна Власьевна не договаривала. Она отлично знала, что у мужа на руках было близко «тысячи» и что он все их увез с собой. «Еще убьют где-нибудь, — думала она. — Деньги не малые, визнают и убьют»... На промыслах убийства из-за денег были не редкостью, потому что промысловый народ отчаянный, с бору да с сосенки. Заводские свои хороши, а промысловые еще почище...

Прошли мучительных две недели. Раз поздно вечером Маремьяна Власьевна хотела уже ложиться спать, как кто-то постучался в ворота. Это был старик Огибенин, приехавший верхом. Маремьяна Власьевна обрадовалась ему, как родному, и даже расплакалась.

— Голубчик ты мой, Савва Яковлич, а я уже не думала и в живых вас видеть, — причитала она, не зная, куда усадить дорогого гостя. — Ни слуху, ни духу о вас...

— А что нам сделается? Слава богу, живы и здоровы... Вот меня за порохом послали да хомуты новые выправить. А твоих лошадей я

вот как берегу, как свой глаз... Не сумлевайся!

Чтобы выпытать от старика всю подноготную, Маремьяна Власьевна послала за водкой, велела разогреть старые щи, сделать яичницу, — одним словом, пущены были в ход самые решительные меры.

— Сам скоро собирается приехать, так лучше моего расскажет, — пробовал уклониться старик от прямых ответов. — Соскучился, говорит...

Водка, конечно, сделала свое дело и развязала старику язык.

— Хорошего мало, Маремьяна Власьевна... Крепко мне наказывал Гаврила-то Семеныч ничего тебе не говорить, потому как самое у нас пропащее дело. Только понапрасну деньги травим... Оно, золото-то, на глазах, а в руки не дается. Сперва-то Гаврила Семеныч даже совсем было от него отшатился, хотел все бросить и ехать домой, ну, а потом точно приклеился к этой самой жиле. Наняли человек с десять рабочих и долбят жилу с утра до ночи, как дятлы. Оно уж очень любопытно: тут вот оно, золото, на глазах, а в руки не дается. Одного пороху сколько извели... Гаврила Семе-

ных все своими руками вот как старается. Да...

Захмелев и желая угодить Маремьяне Власьевне окончательно, Огибенин рассказал и про Таньку-пирожницу.

— Ну, мой Гаврила Семеныч на озорство не пойдет, — с уверенностью проговорила Маремьяна Власьевна. — А вот Катаеву-то и постыдиться можно... Седой волос его прошиб, а он пустяками занимается...

— А хороша девушка из себя, можно сказать, что всем взяла, — не унимался Огибенин. — И ростом, и лицом, и карахтером... А я только к тому о ней завел речь, что она ведьма... Это она заворожила жилу, не иначе дело... Осиновым колом ее, ведьму!..

— Ну, миленький, тебе пора и соснуть. Ступай-ка домой! Тоже, чай, жена-то вот как ждет. Завтра договорим...

Появление Огибенина немного успокоило Маремьяну Власьевну. У ней явилась надежда, что муж подурит-подурит и бросит.

— Скажи Гавриле Семенычу поклончик, — наказывала она, когда Огибенин уезжал на другой день. — Да еще скажи, что, мол, жена

баньку истопит, как он приедет домой. Любит он у меня в баньке попариться... Пусть приисковую-то глину отмочит.

Поршневу приехал домой совершенно неожиданно, гораздо раньше, чем его ожидала Маремьяна Власьевна. Он приехал вечером, когда уже стемнело, на паре своих лошадей.

— Ну, как вы тут без меня живете? — ласково спросил он жену.

— Ничего, слава богу, Гаврила Семеныч! — с бабьей покорностью ответила Маремьяна Власьевна. — Раз с шесть обозы наезжали, так разные мужички останавливаются... Сено сейчас дорого и овес тоже.

Она представила мужу полный отчет за все время, и он остался доволен.

— Золото ты у меня, а не баба! — псхвалил Поршневу жену и по пути приласкал Душу, которую всегда любил. — Руководствуйте дома, а я...

Он не договорил и только вздохнул. Маремьяна Власьевна заметила, что он вообще какой-то «туманный». И его какая-то виноватая ласковость тоже ей не нравилась.

«Ох, не к добру!..» — думала она, припоминая обычную строгость мужа.

Поршнев прожил дома два дня и все время ходил по каким-то делам. Маремьяна Власьевна не закинула ни одного слова об его деле, пока он сам не разговорился.

— Дело, что же, надо правду сказать, неважное... Порохом ничего не можем взять, ну, попробуем диомидом. Так-то его не продают, а есть у меня дружок, казенный штейгер, так чрез него раздобудемся. Порох-то в одну сторону бьет, а диомид, как молонья, во все стороны... Вот этакое дело выходит.

Рассказал он и про Катаева.

— Мудреный он какой-то... Не разберешь. А так ничего, дело свое знает. Упорный мужичонка, можно сказать... У нас такое условие с ним: твоя половина — моя половина. Чтобы, значит, никому не обидно. А там, что уж бог даст.

— Лукавый он... — заметила Маремьяна Власьевна и сейчас же пожалела, что не сдержала своего бабьего языка.

Поршнев только посмотрел на жену и замолчал. Он всегда как-то нехорошо молчал.

Было очевидно, что он догадался относительно болтовни старика Огибенина.

Перед отъездом Поршнев точно отмяк. Он купил на базаре два платка и подарил их жене и дочери.

— Ничего, как бог... — заметил он вскользь, когда у Маремьяны Власьевны показались на глазах непрошенные слезы. — Все от бога...

Ей так много хотелось сказать ему, чтобы отошло наболевшее сердце, но говорить было трудно. Ему было жаль жены и тоже хотелось сказать много, а ничего не сказалось.

— Ты на меня не сердись, — проговорил Поршнев, когда уже лошади были заложены. — Мало ли что бывает...

Она молчала.

— Знаешь, Маремьяна, — прибавил он неожиданно для самого себя. — Как это тебе сказать... Одним словом, выходит в том роде, как будто я боюсь Катаева... И не то, что боюсь, а вот он посмотрит на меня — и конец тому делу. Точно вот я весь чужой делаюсь.... И даже не люблю я его, очень даже не люблю, а не могу.

— Кругом он окрутил тебя, Гаврила Семёныч...

Поршневу не обиделся, а только молча обнял жену и тряхнул головой. Она хотела провожать его до базара, но он ее остановил.

— Не к чему... Оставь!

Она не понимала, как ему тяжело было уезжать. Но его неудержимо тянула какая-то неведомая сила к «Змеевику».

На другой день Маремьяна Власьевна узнала, что муж набрал на базаре в долг разного товара полную телегу. Этого она уже никак не могла понять. Деньги у него были, и должаться не было смысла.

Привезенный Поршневым динамит мало помог делу. Змеевик не поддавался. Приходилось добывать его ломом и кайлами. В результате месячной работы получилось едва несколько золотников.

— Ничего, привесимся к делу, — утешал Катаев. — Уж очень даже любопытно... Вот ежели бы бегуны поставить...

— А деньги где? Бегуны на худой конец стоят тыщи три — четыре...

У Катаева в голове вечно сидели всевозможные замыслы, и только не хватало денег, чтобы производить их в исполнение. Время шло, и жизнь на «Змеевике» изо дня в день тянулась без всякого разнообразия, как и на других промыслах, с той разницей, что он был совсем в стороне, и никто посторонний не заглядывал в эту глушь. Впрочем, раз неожиданно приехал гуртовщик Гусев.

— Был в Теребинске, наслышался чудес про вашу жилу и нарочно приехал поглядеть на оказию, — объяснял он. — Сказывают, вы золото-то прямо руками берете...

— Вот, вот, в самый раз руками, — поддакивал Катаев. — Не хочешь ли поучиться? А то и нас поучишь... Ты ведь не даром всю жизнь по промыслам маячишь и всего нагладелся. Может, и нас поучишь...

Катаев по обыкновению шутил, а вышла совсем не шутка. Гусев внимательно осмотрел всю жилу и работы и покачал головой.

— Эх, братцы, не с того вы конца работу ведете! Надо как раз совершенно наоборот...

— Ну, ну, поучи!

— А очень просто: вы самую-то жилу оставьте, а взрывайте пустую породу с обеих сторон. Она и останется у вас, как облупленное яичко.

Этот совет изумил и Катаева и Поршнева.

— Ах ты, братец ты мой, ведь оно того... действительно... — бормотал Катаев, почесывая в затылке. — Оказали мы себя, Гаврила Семеныч, вполне лишенными ума... Верное твое слово, Артамон Максимыч. Ежели по камню-то шарахнуть динамидом, так тут всю гору разворотит... Правильно!

Поршнев тоже не мог не согласиться с мнением Гусева, хотя уже и не верил в змеевую

жилу.

— Дорогонько обойдется пустую-то породу рвать динамидом, — заметил он. — Двойная работа...

— А это уж ваше дело. Чей воз — того и песенка, как говорится.

— Поступай к нам в компанию, Артамон Максимыч, — предложил Катаев. — Троим-то веселее...

— Не нашего это ума дело... Мое золото по степи гуляет да хвостиком помахивает.

Поршневу казалось, что Гусев приехал на «Змеевик» неспроста и что у него с Катаевым есть какие-то тайные дела. В последнем он скоро убедился. По вечерам он любил сидеть на крылечке. Лето было в разгаре, и крутом было так хорошо. Сидя на своем местечке, Поршневу слышал сдержанный разговор, доносившийся из кухни, и сразу узнал голоса Татьяны и Гусева.

— Подвел меня один приятель в Троицке... — рассказывал Гусев. — Из сартов он... Ну, и раньше с ним дела делывал, а тут забрал он у меня товару близко фунта, да и был таков...

— Таких дураков, как вы с Катаевым, не так еще надо учить... Не горохом торгуете!..

— Ах, Танюшка, случается и на девушку бабий грех. Егор-то Спиридоныч вот как на меня зарычал... полтыщи как не бывало...

— Денежная беда деньгами и раскрывается, а вы-то еще и сами влопаетесь. У Катаева-то от старости его лет совсем ума не стало...

— Ну, на его век хватит... да и от него останется... Ты-то вон как за него уцепилась, Танюшка...

— Я-то? А мне тошнехонько и глядеть-то на него... «Духовную, грит, напишу и тебе, грит, Таня, триста рублей откажу...» А сам все врет, все врет...

— Да ты, глупая, возьми да сама и уйди от него... Свет не клином сошелся, Танюшка...

— А ежели я не могу? Моченьки моей нет... Было дело и уходила, а потом сама же к нему и приду, как собака... Старый дьявол он, вот что! Какая-нибудь у него есть присушка... За глаза-то я его вот как терпеть не могу, а пришел, заговорил, поглядел — я точно и сама не своя. И боюсь я его... Не знаю, чего, а боюсь...

Просто в другой раз хоть руки на себя наложить...

Поршнева ст этих слов точно кипятком ошпарило. Ведь и он то же самое говорил про Катаева своей жене... А потом он отлично понял этот таинственный разговор о «товаре». На промыслах товаром называют краденое золото. Значит, и Катаев и Гусев промышляли по этой части да и его могли подвести каждую минуту.

«Завтра же уйду! — решил Поршнев про себя. — Тут такой беды наживешь, что и не расхлебаешься с ней. Недаром Маремьяна Власьевна так его невзлюбила с первого разу... Ее, брат, не проведешь!»

Но на следующий день Поршнев остался на «Змеевике», проклиная самого себя. Все вышло как-то само собой. Он даже пробовал заговорить с Катаевым по душе, но тот его предупредил.

— А ты не сумлевайся, Гаврила Семеныч!.. Есть и поумнее нас с тобой народы, которые ежели подвержены... Грех-то не по лесу ходит, а по людям.

— Да я что же, Егор Спиридоныч... — бор-

мотал Поршневу с виноватым видом. — Сегодня я здесь, а завтра ступай на все четыре стороны...

Катаев хихикнул и, подмигнув, проговорил:

— Это тебя Гусев напугал? Хе-хе!.. А я не держу. Волка бояться — в лес не ходить.

В сущности, Катаев говорил самые пустые слова, на которые даже и отвечать было нечего, но вместе с тем Поршневу чувствовал, как он его опутывает именно этими пустыми словами, как паук муху паутиной. Во время разговора, который происходил в конторе, Поршневу инстинктивно оглянулся на дверь в кухню и увидел в ней Татьяну, наблюдавшую его улыбающимися и в то же время строгими глазами. О, теперь они понимали друг друга уже без слов и соединялись невидимо в общей слабости и в общей ненависти, — ненавидят только бессильные люди.

Тем дело и кончилось, и все пошло своим чередом. Летом Катаев уезжал раза три по какому-то делам, о которых не любил говорить, и возвращался через несколько дней усталый, измученный, озабоченный. Оставаясь

на прииске один, Поршнев всячески избегал Татьяны, которая преследовала его своими строгими, улыбающимися глазами. Потом он видел, что она часто плакала, и раз, когда он проходил мимо ее окна, ясно слышал ее слова:

— Убить его мало, старого колдуна...

В счетах по прииску Катаев отличался большой аккуратностью и выводил все до последней копейки.

— Твоя половина — моя половина, — любил он повторять при этих расчетах. — Мне чужого не надо, сохрани бог... И своего не отдам. Денежка счет любит.

А денежные счета все увеличивались. Нужно было содержать десять человек рабочих, четырех лошадей, потом стоила немало разная приисковая снасть («без снасти и хлопа не убьешь», — говорил Катаев), поездки, постройки и т. д. Деньги текли незаметно, а прибыли было мало. Каждый золотник добытого золота обходился дороже раз в десять, чем за него приходилось получать по ассигновкам горной лаборатории.

Относительно сдачи добытого золота ско-

ро выяснилось, почему Катаев так упрямо держится за свой «Змеевик», дававший, в сущности, громадные убытки. На каждом прииске ведутся в самом строгом порядке приисковые книги, в которых записывается каждая доля добытого золота, и Катаев преспокойно записывал в книгу по «Змеевику» стороннее золото.

— Это как же так выйдет, Егор Спиридоныч? — решился наконец спросить его Поршнев.

— А вот так и выйдет... Это уж не твое дело, а у нас комар носу не подточит. У меня еще есть прииск, под Кочкарем... А казне-матушке все равно, с какого прииска ни получить золото.

— Ну, за это по головке не гладят, Егор Спиридоныч.

— И пусть не гладят... Слава богу, не мы первые, не мы последние. А главное — мораль. Что мы будем, как дураки, в пустое место колотиться изо всех печеней? Зачем мы, например-ко, будем добрых людей смешить своей дуростью? Нет, уж лучше я посмеюсь. Убыток убытком, а срам зачем же напрасно

принимать?

Поршневу не мог не согласиться с этими рассуждениями, тем более, что ответственным лицом по прииску являлся один Катаев.

На «Змеевике» были еще двое, которые не принимали прямого участия в хозяйстве прииска, но знали все, что его касается, лучше самих хозяев, — это «молодец» Миша и Огибенин. Они сошлись между собой молча и следили за каждым шагом своих хозяев. Миша не любил зря болтать, но умел слушать старческую болтовню Огибенина.

— Теперь у нашего Гаврилы Семеныча перевалило, надо полагать, на шестую сотню, — говорил старик, подсчитывая расходы по прииску. — А доходу наберется — не наберется рублей с пятьдесят...

«Молодец» Миша молчал, как заколдованный, несмотря на все попытки Огибенина заставить его разговориться. Выведенный этим упорным молчанием из всякого терпения, Огибенин бросал шапку оземь и начинал ругаться.

— А вот возьхму, брошу все и уйду!.. Не глядели бы мои глаза на вас. Что я тут болта-

юсь, как непокаянная душа?!. Вот с места не сойти, если не уйду...

Миша упорно молчал.

Между прочим, этих людей соединяла всего крепче общая ненависть к Таньке-пирожнице.

— Змея подколотная и вывела на змеевую жилу!

Прошло лето. Наступила осень, всегда в го-
рах сырая и ветреная. На «Змеевике» дела
находились в прежнем положении и царило
уныние. Даже рабочие работали нехотя, как
на всех промыслах, где золото идет плохо.
Некоторые прямо уходили,

— Что нам на пустом месте биться? — объ-
ясняли они. — Даром только хлеб едим...

Но Поршневу не желал расставаться с де-
лом и решил его вести до конца, пока хватит
сил. Им овладело непобедимое упрямство. А
деньги быстро подходили к концу, хотя мож-
но было работать до первых заморозков. Ка-
таев тоже заметно подтянулся и неохотно де-
лал расчеты, учитывая каждую копейку.
Поршневу понимал, что он это делает только
для отвода глаз, чтобы не платить его, порш-
невской, доли, а что деньги у него есть и не
маленькие.

«Краденое золото поднимает», — с огорче-
нием думал Поршневу.

С другой стороны, у Поршнева задета была
его гордость, именно, что Катаев высосал из

него все деньги, а теперь над ним же и важничает. Скоро будет прямо за последнего нищего считать. Вот так «твоя половина — моя половина»... Оно так и выйдет, когда Поршневу придется бросить все дело.

«Нет, погоди, я еще покажу тебе, старому черту!» — про себя ругался Поршнев.

По-настоящему, когда вылетел из кармана последний рубль, следовало бы вернуться к себе домой и приняться за свое насиженное дело. Но Поршнева точно приковала какая-то невидимая сила к «Змеевику». Ему казалось, что еще немного потерпеть, перемочься, и дело наладится. Вернуться домой мешало отчасти и то, что все знали о «Змеевике», о котором ходили самые нелепые слухи, и его одолели бы расспросами и шуточками.

— Поезжай-ка ты, в самом деле, домой, Гаврила Семеныч, — ласково уговаривала его Татьяна. — Только даром здесь путаешься... Пора и честь знать. А дома у тебя полная чаша, сам большой — сам маленький.

— А ты отчего не едешь?

— Ну, мое дело десятое... Одним словом, непокрытая девичья голова, как дом без кры-

ши. Некуда мне ехать...

Сначала Поршневу сторожился пирожницы и делал вид, что совсем ее не замечает, а потом свыкся и даже любил с ней поговорить. Девушка была умная и с характером. Она ему нравилась чередовавшимися припадками ласковости и какой-то особенно красивой тоски.

Поршнева на время спасло то, что ударили ранние заморозки, и работы пришлось прекратить. Ставить теплые казармы для работ не хватало средств. По окончательному расчету, Поршневу остался должен Катаеву около двухсот рублей.

— Я тебе к рождеству все заплачу, — говорил Поршневу. — Как-нибудь сколочусь...

— Знаю, что заплатишь, да я тебя и не неволю, — ответил Катаев. — Человек ты обстоятельный и сам вполне можешь понимать...

Невесело возвращался к себе в Мияс Гаврила Семеныч на паре своих лошадок. Огибенин правил за кучера и всю дорогу потряхивал головой.

Маремьяна Власьевна встретила мужа с

великой радостью и ни одним словом не заикнулась об его делах. Надо, так и сам скажет. Дома все было благополучно. Постоялый двор и мелочная лавочка работали хорошо, и Поршневу получил около ста рублей чистой прибыли.

«Катаевские денежки... — с горечью думал он, пересчитывая засаленные кредитки. — На эту прорву никаких денег не напасешься...»

И перед женой ему было совестно: вот придет Катаев и за здорово живешь отберет трудовые, кровные денежки... По пяточкам да по копеечкам копила Маремьяна Власьевна свой капитал, а он пойдет прахом, как ветром дунуло. Обида взяла Гаврилу Семеныча, и он решил, когда придет Катаев, рассчитаться с ним по-своему. Пусть чувствует кошка, чье мясо съела.

Занялся своими делами Поршнев, и все пошло, как по писаному. Вообще жить было можно, хотя нажива была и небольшая.

Прошло около месяца, и Поршневу отдохнул, точно стряхнул с себя налетевшее вихрем увлечение легкой наживой. В минуту откровенности он рассказал жене все, как было.

Маремьяна Власьевна даже не убивалась о потерянной тысяче рублей да о долге в двести, а только сказала:

— Твое дело, Гаврила Семеныч... Ты наживал деньги, тебе и знать, что и к чему. А я твоя раба последняя. Что прикажешь, то и буду делать. Век вековали, и делить нам нечего.

Очень понравился ему этот ответ жены, и еще раз сделалось совестно, что он ее и обижал, и скрывался, и обманывал. И она же еще жалела его, по-хорошему жалела, на совесть. С такой бабой жить, как за каменной стеной. Эта уж ухранит, сделай милость, и не выдаст, что бы ни случилось. Правильная баба, одним словом...

Опять зажили Поршневы душа в душу. Маремьяна Власьевна опять повеселела и опять воротила все хозяйство. А работы было немало, когда привалит обоз телег в сорок. Всех ямщиков надо накормить, напоить, обо всем позаботиться. А Гаврила Семеныч сам перестал даже на базар ходить, а все поручал жене. Он точно стыдился своей летней прорухи. И знакомых избегал, а только когда зайдет Огибенин — ну, посудачат вдвоем о разных

приисковых делах. Выходило так, как будто ничего и не было.

— Деньги — дело наживное, — говорила Маремьяна Власьевна к случаю. — Пришли — ушли... Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Старик Огибенин был того же мнения, тем более, что никогда не имел денег, а всю жизнь «околачивался у воды без хлеба».

Одним словом, все пришло в порядок, и Маремьяна Власьевна даже начинала забывать эту налетевшую вихрем беду, как вдруг, недели за две до рождества, неожиданно приехал Катаев, да еще со своей пирожницей, которую Маремьяна Власьевна сейчас же назвала поганкой.

— Не наше дело, — заметил ей Гаврила Семеныч. — Наше дело сторона...

— И все-таки поганка!.. — настаивала Маремьяна Власьевна, охваченная неожиданной тревогой.

Гаврилу Семеныча неожиданно выручила безответная дочь Душа, которая как-то сразу сошлась с приисковой пирожницей и сделала открытие, что та уже «на тех порах», то есть

беременна, и приехала в Мияс «разродиться», Маремьяна Власьевна сразу осела. Как не покрыть девичьего греха? А по уральской поговорке, тем море не испоганилось, что пес на-лакал... Судили-рядили на тысячу ладов, судачили, бранили старого греховодника Егора Спиридоныча за его баловство, а в конце порешили так, что надо пирожницу укрыть.

— Сотельный билет тебе скощу, Гаврила Семеныч, — говорил Катаев. — А только сослужи службу... Конечно, грешный человек... совестно...

— Это не мое дело, — строго ответил Поршне-в. — Поговори с моей женой... Это их, бабье, дело.

Маремьяна Власьевна и Душа приняли сторону пирожницы. Уж очень девушка хороша издалась, и безответная какая-то, а старый змей хитер.

— Маремьяна Власьевна, голубушка, — говорил Катаев, прижимая руки к сердцу. — Вот как перед богом, так и перед тобой... Грешный я человек, действительно, а только по духовной откажу Тане триста рублей... Меня же будет вспоминать, старика.

Пожалела Маремьяна Власьевна непокрытую девичью головушку и даже оставила ее у себя. Не дорого — не дешево, а купил ее скопченными со счета ста рублями. Деньги не маленькие, хотя и виноват кругом. На дворе у Поршневых был флигелек, и Татьяну туда можно было упоместить в лучшем виде. Все-таки не зверь, а живой человек. Пса, и того жалеют.

Устроив свою пирожницу, Катаев оставался в Миясе недолго.

— Ох, дела у меня, Маремьяна Власьевна! — повторял он, качая головой. — Вот какие дела... В том роде, как в котле кипишь. Может, ты и сердитуешь на меня, а только напрасно: моя половина — твоя половина.

— И не говори, Егор Спиридоныч, — ответила с бабьей отчетливостью Маремьяна Власьевна. — Не нашего бабьего это ума дело... Говори с Гаврилой Семенычем, а мое — бабье дело.

Гаврила Семеныч все время отмалчивался. Он как-то вдруг точно потемнел. Первая заметила это Душа.

— Мамынька, с тятенькой неладно... Опять

закрутил его Егор Спиридоныч.

— Ну, это не твоего ума дело, — почему-то сурово ответила дочери Маремьяна Власьева.

Перед отъездом Катаев, как будто между прочим, заметил Поршневу:

— Ну, Гаврила Семеныч, ты, значит, того... Сколачивайся за зиму-то деньжонками, а весной я опять приеду в гости.

— На «Змеевик» я не поеду, Егор Спиридоныч. Ну его...

— И окромя «Змеевика» дела найдем до усов...

VIII

В первый момент к предложению Катаева попытать счастья летом еще раз Поршневу отнесся очень недоверчиво и даже посмеялся про себя.

«Ишь, какой сахар нашелся!.. Закопал я на „Змеевике“ близко тысячи рубликов — и будет. Очень даже благодарны вам, Егор Спиридоныч. Сыты по горло...»

Поршневу не скрыл закинутого Катаевым лукавого словечка от жены, и Маремьяна Власьевна страшно перепугалась.

— Да не змей ли, прости господи!.. — повторила она в ужасе. — Вот человека нанесло на нас... Погубитель он наш!

— А ты не бойся, старуха, — утешал Поршневу жену. — И мы тоже не лыком шиты... Не на таковых напал. Одурачил он меня тогда, пряменько сказать... В другой-то раз и поумнее будем.

Но Маремьяна Власьевна не успокоилась. Она сердцем чужала неминуемую беду. Змей не отстанет, пока не изведет вконец всю семью.

Предчувствия не обманули Маремьяну

Власьевну. Гаврила Семеныч начал потихоньку собирать деньги, где только мог. Были кое-какие долги, и он получил их с особенной настойчивостью. Потом он налег на свой постоянный двор и торговлю; но тут много получить было нельзя. К марту он едва-едва сколотил рублей триста. Пришлось обратиться к займам.

«Что же, получу и отдам, — успокаивал себя Поршневу. — Сам давал займы...»

Но тут вышла неприятная история. Люди, которые имели деньги, и могли дать, и дали бы еще год тому назад, теперь точно сговорились и в голос отвечали:

— На что тебе деньги-то, Гаврила Семеныч? Слава богу, кажется, все у тебя есть...

— Оборотец надо сделать один... — лгал Поршневу, скрывая свои планы.

Богатые мужики отлично знали, какой оборотец на уме у Поршнева, но делали вид, что ничего не подозревают. В первое время Поршневу было очень трудно просить и обманывать, но потом все как рукой сняло, лишь бы добыть денег. Он не постыдился обратиться до нитки старуху-тетку, верившую ему по ста-

рой памяти.

— Ох, Гаврилушка, распоследние копеечки тебе отдаю, — стонала старуха. — Это у меня смертные денежки, чтобы похорониться чем было...

Нелегко было Поршневу слушать такие слова, но делать было нечего, приходилось терпеть.

В начале апреля Катаев приехал. Он сделал вид, что приехал навестить Татьяну, а потом по пути побывать на «Змеевике», где оставалась разная приисковая снасть. Поршневу встретил гостя хмуро и почти неприветливо, а Маремьяна Власьевна вся почти насторожилась, как птица над своим гнездом. Но змей сделал такой вид, что не замечает. Он оказывал теперь преувеличенную заботливость по отношению к пирожнице и подолгу засиживался у нее во флигельке, где она пока еще жила. Родившийся у нее ребенок сейчас же был отдан на воспитание куда-то в дальнюю деревню, и девушка страшно тосковала. Она, как говорится, не находила себе места, и Маремьяна Власьевна искренне ее жалела. Когда Катаев вошел во флигелек, Татья-

на страшно испугалась. Она вся тряслась и смотрела на гостя округлившимися от страха глазами.

— А я тебе гостинца привез, Танюшка, — говорил Катаев, подавая шелковый головной платок. — Вот носи да не потеряй...

Она не взяла платка и только отодвинулась подальше от гостя.

Потом Татьяна побежала к Маремьяне Власьевне вся в слезах.

— Убегу... убегу... — шептала она в отчаянии. — Ох, погубитель он мой!

— Обижает он тебя?

— Нет, никогда не обижал... А только боюсь я его до смерти. Он ласково-ласково заговорит, а я трясусь, как осиновый лист... Теперь зовет меня на лето в Кочкарь, — там у него новый прииск; а я ему: не поеду! Ну, а он смотрит на меня и улыбается... Вот это самое мне нож вострый, когда он улыбается. Взяла бы его и на мелкие части растерзала...

— Тебя ведь никто не неволит, Татьяна, ехать с ним... Живо у нас дело найдется. Хочешь, я с ним сама переговорю...

— Ох, голубушка, Маремьяна Власьевна,

ничего не говори! Мне же хуже будет! Вот и сейчас я его ругаю, а он рукой повел — я и пошла за ним, как овца. Нету моей волюшки, точно связал он меня, старый хрен...

Девушка и плакала, и смеялась, и ластилась к приголубившей ее Маремьяне Власьевне. Старуха ее полюбила и за глаза называла «приворотной гривенкой» — и тиха, и ласкова, и на всякое дело быстрая. Этакой-то девушке да пропадом пропадать — вчуже жаль.

Одно только смущало Маремьяну Власьевну по отношению к Катаеву, что он змей — в этом не было сомнения, — а в то же время такой богомольный. Каждое утро он молился по часу, да еще как молился: станет на колени и заливается слезами.

«Или уж очень грехов много накопил, — соображала Маремьяна Власьевна, — или уж такой угодник уродился...»

Катаев пожил в Миясе несколько дней, съездил на «Змеевик», а потом отправился в Кочкарь, захватив с собой Татьяну. Безответная, болезненная Душа очень привязалась к ней и провожала с горькими слезами, да и Маремьяна Власьевна жалела красавицу-де-

вушку: что она — ни баба, ни девка, ни вдова.

При отъезде Катаев сказал Поршневу всего несколько слов:

— Вода скоро пройдет, Гаврила Семеныч... Каждый день вот как дорог.

После отъезда Катаева Поршнев ходил, как в тумане. Он точно боролся с самим собой. Власьевна чужала неминуемую беду, и раз вечером сама первая проговорила:

— Ехал бы уж ты лучше к Катаеву, Гаврила Семеныч... Смотреть на тебя тошнехонько. А мы тут и без тебя с Душей управимся...

Поршнев ничего не ответил жене, а только вышел из комнаты. Ему было совестно до слез и жаль уж очень жену. Хорошая она женщина, правильная до последней ниточки. И как его насквозь понимает...

Через неделю Поршнев уехал в Кочкарь к Катаеву да так и пропал на целое лето. Марьяна Власьевна точно вся окаменела. Она знала, что муж занимал денег везде, где только мог их достать, и что он вернется домой только тогда, когда спустит все до последней копеечки. А слухи шли стороной. Проезжал через Мяс гуртовщик Гусев и болтал на база-

ре, что видел Гаврилу Семеныча на Кочкаре и что дело у него с Катаевым идет неважно. Лучше, чем на «Змеевике», а все-таки неважно.

Потом Маремьяна Власьевна посылала старика Огибенина вызнать, что и как, но Огибенин доехал только до Челябинска, пропил деньги и пропал без вести. Час от часу делалось не легче.

Наступил август. Зарядило непроглядное уральское ненастье. Железная дорога еще не была проведена, а по тракту и проселочным дорогам не было ни прохода, ни проезда. Бесконечные обозы просто тонули в непроглядной грязи. Вообще на Урале август бывает хуже сентября.

Раз поздно вечером, когда Маремьяна Власьевна хотела уже ложиться спать, кто-то осторожно постучал с улицы в окна. Душа уже спала, и она сама пошла отворять ворота. Это был Гаврила Семеныч. Он приехал верхом, весь мокрый, иззябший, несчастный. Привязав измученную лошадь к столбу выстаиваться, он прошел в заднюю избу, не снимая мокрого татарского аяма, присел к столу,

закрыв лицо руками и горько заплакал.

— Гаврила Семеныч... голубчик... господь с тобой!..

— Да не говори ты со мной!.. Убить меня мало, — вот каков я есть человек... Только всего и осталось, что на себе: крест да ворот.

— Что ты говоришь, Гаврила Семеныч?!. Перестань, родной... Не с деньгами жить — с добрыми людьми.

— Вот именно... с добрыми...

Поршнев как-то нехорошо засмеялся и ударил кулаком по столу.

— Не жалея ты меня, Маремьяна Власьевна!..

Маремьяна Власьевна поставила самовар, сделала яичницу-исправницу, добыла откуда-то водочки и стала угощать мужа.

— Назябся ты, вот погрейся-ка лучше, Гаврила Семеныч; а поговорить еще успеем...

— И то успеем... Здорово я промерз. Нитки сухой не осталось...

Поршнев выпил всю бутылку водки, чего раньше с ним не случалось, съел яичницу и сейчас же завалился спать. Маремьяна Власьевна видела, что ему все время хотелось ей

что-то рассказать и что он пожалел расстраивать ее на ночь. Он проспал до самого обеда, попросил опохмелиться, но ничего не рассказывал. Маремьяне Власьевне показалось, что он как будто чего-то боится и как будто прячется.

— Ты никому не говори, что я приезжал, — предупредил он жену. — Мне тут нужно одного человека повидать вечером... Дельце есть.

Маремьяна Власьевна, конечно, догадалась, какое у мужа дельце, но промолчала. Как стемнело, Поршневушел и вернулся только около полуночи. Видимо, он где-то раздобылся деньгами и заметно повеселел.

— Ничего, старуха, еще поживем... — говорил он, укладываясь спать. — Никто, как бог.

— Я ведь ничего тебе не говорю, Гаврила Семеныч, — покорно ответила Маремьяна Власьевна. — Тебе лучше знать твои дела, а я твоя раба последняя. Что прикажешь, то и буду делать.

IX

Из дому Поршнев уехал как-то крадучись, как и приехал, ранним утром, когда еще было совсем темно. Он ехал в хорошем настроении и все потряхивал головой.

— Ах, ты, братец ты мой... а?!.- повторял он вслух, точно кому-то отвечал. — Да-а... Как по писаному все вышло. Ай да Егор Спиридоныч!..

Дорога на Кочкарь была не близкая, а в осеннюю распутицу и очень тяжелая. Но зато легко было на душе у Гаврилы Семеныча. Он так легко раздобылся в Миясе деньгами, совсем даром получил, то есть не даром, конечно, а под вексель, как научил Катаев. Раньше-то как выпрашивал, унижался и везде отказ, а тут сказал одно словечко: вексель — и готово. Раньше он слышал о векселях и даже видал их, но хорошенько не понимал, в чем суть. А тут Катаев научил: скажи им, что за вексель-то и дом у тебя продадут. Только и всего. Поршнев у двух самых скупых толстосумов под вексель взял целую тысячу рублей, повторяя слова Катаева. Раньше отказывали,

а тут катаевскими словами их точно обмороком обнесло. Поршневу казалось, что Катаев, действительно, немножко колдун: как скажет — точно топором отрубит.

До Кочкаря Поршнев ехал три дня, хотя и сильно торопился. Очень уж распутица одолела, и лошадь выбилась из сил. Под самой Челябиной (вместо «Челябинск» на Урале говорят «Челяба») Поршнев встретил Гусева, который всегда появлялся неожиданно, точно из земли вырастет.

— Гавриле Семекычу нижайшее...

— Артамону Максимычу сорок одно с кисточкой. Куда бог несет?..

— А так... волка ноги кормят... Егор-то Спиридоныч соскучился по тебе. Поторапливайся... Поклончик наказывал сказать.

Кочкарь — по-ученому кочкарская система золотых промыслов — представляет собой одно из странных проявлений несметных уральских сокровищ. Это степное ровное место, отделенное от главных горных массивов Урала громадным расстоянием, было в буквальном смысле насыщено золотом, разработка которого, вероятно, займет не одну сот-

ню лет. Удивительнее всего здесь то, что главную силу здесь составляли коренные месторождения золота, так называемые «жилы», тогда как в горах и предгорьях они составляли редкое исключение. В Кочкарь, как в обетованную землю, стекались десятки тысяч рабочих со всего Урала. Это было что-то вроде маленькой Калифорнии.

От Челябины, едучи прямо на юг, было до Кочкаря около ста верст. Здесь начинались уже благодатные земли Оренбургского казачьего войска. Золотая лихорадка охватила громадную область уже лет пятьдесят, и ей не предвиделось конца. Катаевский прииск находился на «обочине» главных промыслов, недалеко от казачьей станицы Михайловской. В этой степной местности каким-то чудом сохранился казенный сосновый бор, и около него давно шли мелкие разведки. Катаев сделал заявку по старым брошенным шурфам и поставил работы. Золото было рассыпное, в разрушистых, легко обрабатываемых песках, но добыча его обходилась дорого благодаря отсутствию воды. Промывку песков приходилось производить водой из степных

озеринок, куда нужно было отвозить пески. Поршневу рассыпная добыча золота была знакома с раннего детства, и он относился к делу с большим доверием, хотя оно и требовало денег, денег и денег. Что значит какая-нибудь тысяча рублей, когда каждый субботний расчет рабочих уносил сотни рублей? Одним словом, расходы по прииску превышали доходы, и даже всегда спокойный и невозмутимый Катаев хмурился в кряхтел. Впрочем, Поршневу больше не верил ему ни на волос и только мечтал о том счастливом времени, когда он вернет затраченные на «Змеевике» и здесь деньги.

— Ну, вот и отлично, — похвалил Катаев, когда Поршневу рассказал о добытых им деньгах. — Теперь мы живой рукой обернемся... Вот только этой тысячи и не доставало, Гаврила Семеныч.

Между Катаевым и Поршневым были какие-то странные счета. Когда Поршневу считал один, все выходило в его пользу; а когда начинал считать Катаев, получались обратные результаты. Так случилось и с привезенной Поршневым тысячей рублей: деньги точ-

но растаяли. Оказались неоплаченными счета за харчи рабочих, за приисковые постройки, и т. д., и т. д. Даже вышло как-то так, что и денег не стало, да еще Поршневу оказался должным Катаеву.

— А ты считай, малиновая голова, — советовал Катаев. — Денежка счет любит... Мне твоих-то денег не нужно. Терпеть это я ненавижу, ежели сумление в расчетах. А у меня один расчет: твоя половина — моя половина.

Поршневу как-то сразу растерялся и даже не нашел, что сказать Катаеву. Ездил, хлопотал, заложился свыше ушей — и вдруг ничего. Он вдруг точно весь потемнел.

Катаев больше не стеснялся и откровенно жил в одной комнате с Татьяной. Девушка очень скучала о брошенном ребенке и по-своему ненавидела старого сожителя, хотя и не могла уйти от него. Она давно жалела Поршневу за его простоту и не раз советовала бросить все и заняться в Миясе своим делом.

— Стыдно, Татьяна, домой-то с пустыми руками ворочаться, — объяснял Поршневу. — Авось, бог поможет как-нибудь справиться, ну, тогда и домой...

Когда Катаев отобрал у него привезенные деньги, он сказал Татьяне:

— Меня бог наказывает, Таня... Перед образом тогда клялся, что в последний раз, и преступил клятву.

— И в самом деле нехорошо, — соглашалась Татьяна, участливо качая головой. — Большой это грех...

Поршневу чувствовал себя уже лишним в прииске. Катаев точно не замечал его, как не замечают бедных приживальцев. Прямой обиды не было, а чувствовалось скверно. И оставаться на прииске скверно и уходить некуда. Особенно тяжело делалось по ночам, когда в голову лезли самые дикие мысли.

С своей стороны, Катаев тоже начал тяготиться присутствием обнищавшего компаньона. Прогнать его так, за здорово живешь, как будто и совестно, а держать без всякого дела на своей шее начетисто. Катаев соображал и так и этак, пока не придумал новой штуки, от которой Поршневу еще раз ахнул.

Раз сидели они вечером за самоваром и пили чай. Катаев как-то особенно пристально смотрел на Поршневу, а потом проговорил со

вздохом:

— Гляжу я на тебя, Гаврила Семеныч, и вчуже жалею... Что ты теперь, миляга, делать-то будешь?

— Не знаю, Егор Спиридоныч... Две руки остались — вот и весь капитал.

— Так-то оно так, а только с одними голыми руками недалеко уедешь... Без снасти, говорится, и клопа не убить. Да... Главная та причина, что выйдет тот срок твоим векселям, ну, у тебя за них дом-то и отберут.

— Отберут, Егор Спиридоныч! С тем и деньги у добрых людей брал...

— Так, так...

Подумав немного, Катаев прибавил:

— А ведь можно дом-то за вексель и не отдавать, Гаврила Семеныч... Есть такой фортель, и я даже очень хорошо удумал. Тебя жалеючи говорю... Векселя — векселями, а дом — домом.

Поршневу ничего не понимал.

— А ты, Гаврила Семеныч, продай мне дом-то... Понимаешь? Векселя-то с носом и останутся... Надо ведь умеючи деньги-то в долг давать. Ты подумай хорошенько, я тебя не то-

роплю... Можно сказать, прямо даром с меня денежки получишь. Одним словом, жалеючи...

Предложение было заманчиво, и думать тут было решительно нечего. При окончательных переговорах Катаев сильно прижал в цене, но выбирать было нечего. Уплатив Поршневу наличными шестьсот рублей, Катаев проговорил:

— Совсем даром денежки получаешь, Гаврила Семеныч. Ну, а пока пусть твои живут в моем доме по-прежнему. Я его потом в духовной откажу своей пирожнице, ежели она, например, будет вполне соблюдать себя по своей женской части.

Обидно было все это слушать Поршневу, но, снявши голову, о волосах не тужат. Он опять ожил в надежде на какое-то дикое счастье. А вдруг пойдет золото, — в одну неделю можно разбогатеть. До заморозков оставалось еще больше месяца.

Но тут случилась новая беда. От осенних дождей выступила подпочвенная вода, и пришлось поставить дорогие насосы для откачки, а главное — терять дорогое время. Пески заты-

тивало илом, и промывка замедлилась.

— Экое наше горькое с тобой счастье! — жаловался Катаев.

Полученные за дом деньги ушли по той же дорожке, как и добытые векселями. Через месяц Поршневу был совершенно свободен от всяких денежных знаков и неожиданно исчез с прииска, не простившись ни с кем.

Весной следующего года нашли в лесу «тело неизвестного человека», как гласит полицейский протокол. По произведенному дознанию, это тело принадлежало «купеческому брату» Егору Спиридонову Катаеву.

Прошло еще полгода. В миясское волостное правление явился Поршневу с повинной:

— Берите меня... Это я убил Катаева...

1903 [2]

Примечания

Натакались — попали, нашли. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]

Впервые опубликована в «Журнале для всех». 1903, No№ 1–3. Включена автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. III, М., 1905.

[^^^]